

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ МИР СЕМЬИ В “ПОВЕСТИ О
РОЖДЕНИИ, ПРОИСХОЖДЕНИИ И ВСЕЙ ЖИЗНИ”
КНЯЗЯ И. М. ДОЛГОРУКОВА (1764 – 1823)

Ребека Джигли

THE EMOTIONAL WORLD OF THE FAMILY IN THE STORY OF
BIRTH, DESCENT AND ALL MY LIFE BY I. M. DOLGORUKOV
(1764 – 1823)

Rebecca Gigli¹, Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Bulgaria

<https://doi.org/10.46687/ALEB7512>

Abstract: *The recent “emotional turn” offers new research perspectives in literary studies. Emotions are not only a personal phenomenon, but also a product of culture. Therefore, it is important to reconstruct their evolution in different contexts, such as in the family environment. To do this, ego-documents are rich sources for investigating the emotional world of the family in the past. The aim of this article is to analyse the feelings related to family relationships in the autobiographical work Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни by I. M. Dolgorukov (1764 – 1823), who is an interesting figure of the Eighteenth-century Russian cultural scene. In particular, this study pays attention to the aims of I. M. Dolgorukov in describing his emotions. Moreover, it emphasizes how the author is influenced by cultural context in the way he talks about his own feelings in his autobiography.*

Key words: *emotions, I. M. Dolgorukov, family, autobiographical prose, Eighteenth-century Russian literature*

Кому не мило родимое гнездо?
“Повесть о рождении, происхождении и всей жизни”,
И. М. Долгоруков

Эмоции являются неотъемлемой частью жизни человека. Тем не менее, до сих пор продолжают дискуссии об их точном определении² и этиологии. Философы, антропологи, психологи, историки, искусствоведы и литературоведы непрерывно пытаются понять эмоции, такое нормальное и в то же время загадочное явление. Особенно в последние времена

1 Rebecca Gigli is a PhD student at the Faculty of Slavic Studies of Sofia University “St. Kliment Ohridski”. Her field of research is Eighteenth-century Russian literature. In particular, her academic interests concern autobiographical prose and “cultural memory”. Email: rebeccagigli.19@gmail.com

2 Следует отметить, что термины, обозначающие эмоции, меняются или имеют различные значения в зависимости от исторического периода или места. Более того, предпринимаются многочисленные попытки четко разграничить слова, используемые для описания настроения человека. В данной статье не проводятся такие различия, но “эмоции”, “чувства” и т. д. используются как синонимы.

есть настоящий “эмоциональный поворот”, который также влияет на гуманитарные науки³. Обычно инициатором этого научного направления считается Люсьен Февр, который в начале прошлого века заявляет о необходимости расширения поля исторических исследований и на мир эмоций. Несомненно, сегодня рекомендация известного представителя французской школы „Анналов“ не остается без внимания. В действительности не только постоянно умножаются вклады различных дисциплин, но и терминологический и интерпретационный аппарат для эмоций продолжает обогащаться⁴. Вообще, в „истории эмоций“ можно идентифицировать три парадигмы: универсалистскую парадигму (до 1980-х гг.), парадигму социального конструктивизма (1980-е гг.)⁵ и синтез двух предыдущих парадигм (начиная с середины 1990-х гг.) (Plamper, 2010, pp. 19-20). Эта эволюция в исследованиях является еще одним доказательством векового интереса человека к онтологии эмоций и их роли в истории и повседневной жизни. Поэтому, интересно анализировать их репрезентацию в прошлом и в разных областях. Кроме того, как отмечает А. Зорин, несмотря на большое усилие академического мира к пониманию и анализу эмоций, “цель достичь до

3 Я. Плампер подчеркивает, что этот интерес к эмоциональному миру возник особенно после террористических актов 11 сентября 2001 года, которые стали своего рода «катализатором» настоящего бума в исследованиях эмоций (Plamper, 2015, p. 60). Для обзора различных направлений и тенденций в изучении эмоций см. (Plamper, 2015), (Broomhall, 2017) и (Rosenwein, Cristiani, 2018). А обзор эмоционального поворота в России можно найти в сборнике «Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций. Сб. Статей» (Plamper, Shahadat, Eli, 2010).

4 Среди многих интерпретационных ключей для объяснения чувств очень популярны идеи супругов Стернов, У. М. Редди и Х. Б. Розенвейн. Чтобы подчеркнуть социальный фактор в одобрении и осуждении выражения определенных эмоций, П. Н. Стерн и К. З. Стерн вводит термин “эмоциология”, т.е. “отношение или стандарты, которых придерживается общество или определенная группа внутри общества по отношению к основным эмоциям и их соответствующему выражению; способы, которыми институты отражают и поощряют подобные подходы к эмоциям в человеческом поведении” (Stearns, Stearns, 1985, p. 813). У. М. Редди предлагает еще одну интересную точку зрения. В своей книге “The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions” (Reddy, 2004) историк, по образцу теории речевого акта Дж. Остина, вводит термин “эмотив” для описания типа речевого акта, который, подобно констативу и перформативу, описывает и изменяет окружающий мир. Но, в отличие от них, его “эмоциональное выражение оказывает [...] самоизменяющееся воздействие на активированный мыслительный материал эмоций” (Reddy, 2004, p. 128). В этой монографии У. М. Редди придумывает и другие интересные понятия, такие как “эмоциональный режим”, “эмоциональная свобода”, “эмоциональные страдания”, “эмоциональное усилие”, и т. п. (See Reddy, 2004, p. 129). А недовольная предыдущими теориями эмоций, которые, по ее мнению, плохо подходят для изучения Средневековья и предшествующих эпох, историк Х. Б. Розенвейн постулирует существование “эмоциональные сообщества”. Последние представляют собой “группы, в которых люди придерживаются одних и тех же норм эмоционального выражения и ценят - или обесценивают - одни и те же или похожие эмоции. Одновременно может существовать несколько эмоциональных сообществ [...] и эти сообщества могут меняться со временем” (Rosenwein, 2007, p. 2).

5 Точнее, при универсалистском подходе эмоции являются психосоматическим феноменом и как таковые универсальны и неизменны. А вторая тенденция подчеркивает, как эмоции формируются культурным контекстом.

эмоционального мира “отдельного человека” остается пока, на наш взгляд, в значительной степени недостигнутой” (Zogin, 2016). С этой целью семейный контекст предлагает интригующие перспективы для исследования эмоций индивида. Семья – это естественное место, где человек выражает свои чувства. Она можно считать небольшим “эмоциональным сообществом”, определяющим способ “испытывать” чувства своих членов. К этому можно добавить, что семья и эмоции способствуют и созданию личности.

Среди различных текстов, к которым можно обращаться, эго-документы⁶ являются особенно ценными источниками для реконструкции эмоционального мира человека, поскольку они сосредоточены на репрезентации “Я” автора и аффективной реальности, которая его окружает. Возможной критикой использования данных материалов может быть сомнительная искренность писателя⁷ в повествовании и особенно в описании эмоций. Но следует иметь в виду, что в автобиографии важна не фактическая правда, а та правда, которая отражает личность автора (Pascal, 2017, p. 1). В дополнение,

Эмоции всегда передаются “из вторых рук”, независимо от того, принимаете ли вы понятие эмотивов Редди⁸ или думаете просто о способах, через которые мы познаем чувства в повседневной жизни: через жесты, телесные изменения, слова, восклицания, слезы. Ни одна из этих вещей не является эмоцией; это симптомы, которые должны быть интерпретированы как человеком, который их чувствует, так и как наблюдателями. Тексты предоставляют один вид интерпретаций; читатель (или историк), изучающий их, предоставляет другие⁹ (Rosenwein, 2006, p. 27).

Наконец, трудно судить об искренности эмоций, потому что последняя должна быть адекватно контекстуализирована. Как отмечает Ю. М. Лотман, “каждое время имеет свой язык выражения чувств. Язык этот в равной мере может быть использован для выражения и правды, и лжи” (Lotman, 1994, p. 86). Цель данной статьи – реконструировать эмоциональный мир семьи И. М. Долгорукова (1764-1823), который является интересной фигурой в русской культурной сцене конца XVIII – начала XIX века. В частности, анализируется его автобиографическое произведение “Повесть о рождении моего, происхождении и всей жизни”.

6 Эти тексты долгое время остаются на периферии литературоведения. Первые важные вклады, сосредоточены интерпретацию этих произведений как литературных текстов, а не только как простых источников исторической информации, относятся к середине прошлого века и принадлежат литературоведам, таким как В. Шумейкер, Г. Гюсдорф, Р. Паскаль, Ф. Лежен и др. Более подробный обзор литературы, относящейся к автобиографическим жанрам, можно найти в (Vacheva, 2015) и (Savkina, 2007).

7 Искренность автора эго-документа – один из наиболее обсуждаемых вопросов, касающихся автобиографического жанра. Многие исследователи, в первую очередь Ф. Лежен, утверждают о “невозможной искренности” автобиографии (Vacheva, 2015, pp. 62-63).

8 Об этом, см. примечание 3.

9 Цитаты из нерусских источников переведены автором статьи.

И. М. Долгоруков – представитель одного из старейших московских дворянских родов, представители которого оказываются крупными личностями при дворе и в армии. Максимальное экономическое и политическое могущество Долгоруковых достигнуто в краткое владычество Петра II (1715-1730). Однако, их авторитет и значимость терпит сильный удар из-за внезапной смерти от оспы молодого императора. Фактически, восхождение на престол императрицы Анны (1693-1740) приводит к опале семьи. Пытаясь возродить судьбы древнего рода, И. М. Долгоруков начинает службу в армии. Но его опыт на фронте во время русско-шведской войны заставляет его предпочесть административную карьеру, став сначала вице-губернатором в Пензе (1791-1796) и потом губернатором во Владимире (1802-1812). Если его служба является постоянным источником разочарования, он получает больше удовольствия от литературы. На самом деле, он пишет стихи и театральные пьесы, которые пользуются успехом у читателей того времени. Он является и плодовитым автором автобиографической прозы. (Утерянный) шведско-русский военный дневник, путевые заметки¹⁰, письма, мемуары и своеобразное произведение, такое как “Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни” (Dolgorukov, 1997)¹¹ составляют богатый репертуар автобиографических жанров, практикуемых писателем. К этим текстам добавляется его объемная автобиография “Повесть о рождении, происхождении и всей жизни” (далее только “Повесть”, Dolgorukov, 2004-2005), полностью опубликованная лишь в начале 2000-х годов в серии “Литературные памятники”¹².

В быстром и непрерывном процессе трансформации русской мемуаристики, в которой происходит переход от господствующей модели летописи к прогрессивному утверждению “самосознания личности” (Tartakovskiy, 1991, p. 12), автобиография И. М. Долгорукова занимает значительное место (Tartakovskiy, 1991, p. 77). Как это характерно для автобиографической мужской прозы XVIII века (Tartakovskiy, 1991, pp. 42-58), автор рассказывает историю своей жизни из года в год, подобно летописи. Тем не менее, текст во многом отклоняется от традиции. Например, можно отметить влияние “Исповедей” Ж. Ж. Руссо на декларируемое И. М. Долгоруковым намерение рассказать о себе всю правду. Хотя и с

¹⁰ В частности, И. М. Долгоруков пишет о своих путешествиях по украинским землям и Нижнему Новгороду: “Славны бубны за горами или Путешествие мое кое-куда 1810 года” (Dolgorukov, 1870a), “Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года” (Dolgorukov, 1870b) и “Путешествие в Киев в 1817 году” (Dolgorukov, 1870c).

¹¹ Это произведение представляет собой своеобразный календарь, в котором каждый день года посвящен литературному портрету знакомого писателя.

¹² До полного издания рукописи некоторые отрывки из “Повести” печатаются в сборнике сочинений автора и в журналах “Москвитянин”, “Русская старина”, “Русский архив” и “Русский библиофил” (Kuznetsova, 2004, pp. 729-730).

некоторыми перерывами, автор пишет автобиографию на протяжении всей своей жизни, следуя отцовскому совету и примеру своей бабушки¹³. Но намерения И. М. Долгорукова не ограничиваются описанием основных эпизодов его существования. Писатель хочет совместить удовольствие повествования и памяти с их полезностью. В частности, автор не только передает свои жизненные уроки и мнения, но и оставляет “истинный” и положительный образ самого себя своим детям, которые в неизбежном “автобиографическом пакте”¹⁴ определяются как главные адресаты его текста. Имея это в виду, уместно анализировать, как эмоции, в этом случае связанные со семейным окружением, становятся “полезной” темой для достижения этих целей писателя.

Можно отметить, что на автора эго-документа влияет культурный контекст, к которому он принадлежит. Поскольку “Наши идеи, наши действия, даже наши эмоции, [...] являются продуктами культуры” (Geertz, 2004, p. 63), внимание И. М. Долгорукова к чувствам не кажется совершенно случайным в его автобиографии. В культурном сценарии, в котором живет автор, утверждается новый “культ чувств”. Между XVIII и XIX веками зарождается и развивается сентиментализм, уделявший большое внимание внутреннему миру человека, после возвеличивания разума эпохи Просвещения. Следовательно, появляется новый тип героя, который показывает и превозносит свою сентиментальность. Более того, в этот период, когда “Европейская публика училась любить по “Новой Элоизе” и “Страданиям юного Вертера”, наслаждаться природой по Томсону и Руссо, посещать кладбища по Юнгу и Грегу, уединяться от мира по Циммерману” (Zorin, 2016), распространяются и новые “эмоциональные матрицы” и “эмоциональные репертуары” (Zorin, 2016), прежде всего благодаря литературе. Идеи сентиментализма распространяются в самых разных областях: от искусства до моды. Семья – еще одна сфера, где проявляется это обновленное внимание к чувствам. Фактически, аффективный компонент становится важным элементом в отношениях между членами семьи¹⁵ и вопросы о детстве, роли матери и отца оживляют споры общественного мнения того времени.

13 Бабушка И. М. Долгорукова – Н. Б. Долгорукая (1714-1771), автор одного из первых русских женских автобиографических текстов “Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева” (Dolgorukaia, 1913). Ее мемуары были впервые опубликованы благодаря внуку в 1810 году в журнале “Друг Юношества” (№ 1., 8-69) (Dolgorukov, 2004, p. 739).

14 “Автобиографический пакт” – это определение, которое Ф. Лежен дает особому договору, который устанавливается между автором и читателем автобиографического текста (Lejeune, 1975).

15 Например, Н. Л. Пушкирева и Ю. М. Лотман утверждают, что именно между концом XVIII и началом XIX века начинает распространяться новая модель семьи, в которой выражение чувств становится частью семейной повседневности. А другие ученые датируют это изменение до середины XIX века (Kelly, 2016, p. 56). Несмотря на разнообразие мнений по этому поводу, нет сомнений, что этот тип социальных трансформаций является результатом длительного эволюционного процесса. Таким образом, примеры нового типа семьи можно найти еще до того, как эта модель станет господствующей.

И. М. Долгоруков не остается равнодушным к этой культурной атмосфере, в которой на первый план выходит личная жизнь человека. Неудивительно, что автор в автобиографии определяет себя как “историк[а] собственного своего сердца” (Dolgorukov, 2004, p. 620). Подобно типичному сентиментальному герою, писатель не хочет скрывать своих эмоций (“На что мне скрывать чувств моих?”, Dolgorukov, 2004, p. 447). Напротив, в “Повести” они являются предметом его размышлений и внимания. Для него сердце человека – настоящая загадка: “Сердце человеческое – загадка” (Dolgorukov, 2004, p. 447)¹⁶, но он не сомневается, что чувства почти всегда преобладают над разумом (особенно в его случае): “Но кто соглашал сердце с рассудком? Последний почти всегда в покорных слугах у первого” (Dolgorukov, 2004, p. 209). И. М. Долгоруков и отмечает, как в течение жизни меняются эмоции. Если в юности они интенсивны, но эфемерны, то в старости они более сдержанны. Хотя писатель часто жалуется на трудности выражения своих эмоций в письменной форме, чувства также служат для создания эмоциональной связи с читателем. Действительно, автор не сомневается в понимании и сочувствии “сентиментального” адресата своего текста:

Сии примечания не будут лишние для чувствительных. Кто любит только басни, тот уже хочет знать, как я в Москву доехал, что на пути со мной случилось, словом, куда я делся, но ухо нежное любит вслушиваться в излиянии сердца тронутого и, подобно ему, охотно делит с ним утонченные его чувства. Для вас, души, посвященные любви, посвященные приятным союзам привычки, для вас продолжил я целой страницей описание этого года (Dolgorukov, 2004, p. 447).

Следовательно, И. М. Долгорукову важно быть искренним в описании своих чувств, учитывая многочисленные примеры “ложной сентиментальности”¹⁷:

Я здесь описываю мои чувства не так, как сочинители романов, которые, не видя, видят, не слыша, слышат, и у которых воображение рисует положению человеческой души, я говорю о страстях моих по опыту, по ощущению их действий на самого меня, а не на одно мое воображение (Dolgorukov, 2004, p. 522)¹⁸.

16 В “Повести” постоянно повторяется тема человеческого сердца. В сентиментализме оно является местом эмоций, и оно часто также имеет моральный оттенок. На самом деле, “культ чувств” призван сделать человека лучше и, неслучайно, для автора плохое сердце – одно из самых страшных несчастий человечества: “худое сердце, коварный ум, испорченный нрав суть истинные наши напасти” (Dolgorukov, 2005, p. 339). Можно отметить, что И. М. Долгоруков не только использует эти идеи, темы и мотивы сентиментализма, но влияние нового культурного климата проявляется и в некоторых языковых и риторических формулах его повествовании. Например, нередки в автобиографии риторические вопросы или патетические восклицания, которые в “сентиментальный эмпатический код” становятся средством писателей вызвать у читателя сопереживание и сочувствие.

17 Как отмечает Н. Д. Кочеткова, с успехом сентиментализма возникает проблема “ложной сентиментальности”, т.е. неискреннего и шаблонного выражения чувств (Kochetkova, 1994, p. 254).

18 И. М. Долгоруков признает важную роль чтения в его «сентиментальном воспитании» и возможные отрицательные последствия, которые книги могут иметь: “О, как часто выбор книг для чтения и род наших упражнений сильно действует на дела и поступки наши! Проклятый

В эмоциональной мире И. М. Долгорукова семья играет важную роль. В некотором смысле ее можно определить как своего рода “эмоциональное убежище”¹⁹ для автора. В реальности, полной врагов, лжи и многочисленных разочарований карьеры (“служба наполняла всегда и везде путь жизни моей тернием и волчцами”, Dolgoukov, 2005, p. 141), семья приобретает особое значение в его жизни. Она не только источник радости и печали, но и незаменимое утешение против жизненных трудностей. По мнению автора, “Горести в семье, недостатки, нужды, все сноснее потому, что каждая такая ноша не падает на одного, но на многих, которые совокупными силами легче их выносят” (Dolgoukov, 2004, p. 476). Тем не менее, родство не обязательно перерастает в эмоциональную связь. Автору не раз приходится иметь дело с жадными, эгоистичными и совершенно равнодушными к его бедам родственниками, поэтому он заявляет:

Часто родные только именем таковы, а по чувствам совсем сторонние люди. Какая польза насчитывать сотни дядей, теток, и двоюродных, и троюродных, когда никто из них не окажет тебе участия ни в болезни, ни в печали, ни в тесном обстоятельстве жизни? (Dolgoukov, 2004, p. 196).

А следует подчеркнуть, что в XVIII в. слуги, воспитатели и няни также считаются членами семьи (Ryazanov, 2001)²⁰. Поэтому, с одной стороны, писатель не стыдится выражать свое недовольство эгоистичным поведением некоторых родственников или, например, проявлять безразличие к смерти одной тетки, которая долгое время жила за границей. С другой стороны, И. М. Долгоруков никогда не колеблется выразить благодарность скромным людям из его семейного круга²¹. Кроме того, в “Повести” неназидательно

Ришелье! Если бы я не так прилежно читал перед сим временем твою историю, если бы я не пленился счастливыми твоими волокитствами и не осмелился, глядя на твои успехи, подумать, что сердцу и уму нашему всякое заблуждение в любви позволительно, не дошел бы и я до того, до чего часто доходил ты без поношения” (Dolgoukov, 2004, p. 375). Интересно и отметить, что автор в своих “любовных приключениях”, определяемых им как “романы”, часто описывает себя как литературного персонажа. Эта связь между автобиографией и романом не является особенностью только этого писателя. Действительно, взаимовлияние этих двух жанров является широко обсуждаемой темой среди литературоведов. Например, можно упомянуть монографию А. Вачевой, посвященную романному дискурсу в “Записках” Екатерины II (Vacheva, 2015).

19 Этот термин принадлежит к У. М. Редди, согласно которому “эмоциональное убежище” – это “Отношение, ритуал или организация [...], которые обеспечивают безопасное освобождение от преобладающих эмоциональных норм и позволяют ослабить эмоциональные усилия [...]. Они могут укрепить существующий эмоциональный режим или угрожать ему” (Reddy, 2004, p. 129).

20 К этим людям можно также добавить множество сирот, которые находят убежище в дворянских домах. И родители И. М. Долгорукова, и сам автор принимают многих юношей под свое крыло.

21 Например, он горько плачет, когда умирает его старая няня или с теплотой вспоминает свою первую воспитательницу: “Имя мадамы Constantin будет всегда в устах моих выражаться с благодарением, любовью и похвалою. В седых волосах вспомню, что сиживал у нее на коленях, пивал из рук ее чай, и – поплачу, что ребячество мое, сие счастливейшее время жизни, пролетело как миг” (Dolgoukov, 2004, p. 29).

описана действительность, в которой множатся примеры несчастливых или “испорченных” семей и браков. Этому он противопоставляет положительный эмоциональный пример своего семьи. Уже проследивая историю своих предков²², автор представляет их как людей, одушевленных великодушные чувствами несмотря на то, что они жертвы различных несправедливостей. Например, его дедушка

Князь Иван, лишась всего и видя все надежды свои погибшими, без памяти кидался на бездыханный труп юного своего владыки, благодетеля и не умел положить меры своей печали. Жарких друзей разорвала смерть навеки; он забывал царя, лишь плакал о Петре (Dolgoukov, 2004, p. 10).

Среди его предков видное место занимает бабушка Наталия Борисовна Долгорукая. История преданной молодой жены, которая следует за мужем в изгнание, всегда вызывает восхищение и сострадание ее внука. С глубокой любовью и заботой писатель хранит ее мемуары до конца своей жизни²³ и с нежностью вспоминает, как

Мне было только еще 5 лет, [...] я ничего в тех местах на память себе ныне привесть не могу, кроме кельи моей бабушки и неоцененных ее милостей ко мне. Она безмерно жаловать меня изволила и, признаться велит наслышка, что даже и баловала (Dolgoukov, 2004, p. 23).

Такого рода примеры не относятся исключительно к прошлому семьи, но многие из родственников автора являются “эмоциональными моделями” достойными подражания.

Помимо этого дидактического компонента, уделяя внимание эмоциональной сфере семьи, И. М. Долгоруков создает и свое автобиографическое “Я”. Точнее, представление его отношений и эмоциональной связи с членами семьи позволяет ему показать положительный и сентиментальный образ самого себя. В данной статье акцентируется внимание на представлении автора как сына, мужа и отца.

Первые чувства, связанные с семьей, описанные И. М. Долгоруковым, относятся к детству. Обычно в русской мемуаристике первой половины XVIII в. этот возраст представлен мало (Pushkareva, 2012, p. 83), но к концу XVIII – началу XIX в. эта тенденция начинает меняться. Именно в это время мир ребенка²⁴ становится объектом интереса общественного мнения, в котором

22 И. М. Долгоруков проследивает историю своих предков и потому, что он хочет опровергнуть множество лжи о своем роде, распространению которой, по его мнению, способствовали такие историки, как Levesque.

23 Автор пишет: “Отец мой сохранил, и я сохраню записки, ее рукою писанные, кои по времени были напечатаны и известны с похвалою всему просвещенному свету. Кто не плакал, читая в них простое, но чувствительное описание их изгнания? Нет! Никакое перо так не напишет. Душа лилась на бумагу и пламень свой сообщала всякому чувствительному сердцу. Мир тебе! И вечная память!” (Dolgoukov, 2004, p. 15). Действительно, этот автобиографический текст, изданию которого способствовал внук, имеет успех у публики читателей того времени.

24 Согласно Ф. Арьесу, мир детства – это недавнее открытие, потому что до XVII века ребенок воспринимается как “маленький взрослый”. Публикация монографии Арьеса о мире детства

обсуждаются идеи о детстве и воспитании таких авторов и мыслителей, как Ж. Ж. Руссо²⁵. В своем повествовании И. М. Долгоруков рисует свое детство как счастливую эпоху, в которой его родители глубоко любят своих детей²⁶. Например, автор описывает их радость при его рождении: “Роскошь окружила колыбель мою; слезы радости потекли из глаз родителей моих в недра любимого младенца. Какая мать не зрит с восторгом сына своего в люльке?” (Dolgorukov, 2004, p. 19). Он и говорит об их страхах во время болезни детей, о гордости за их успехи и о стойкости и мужестве, с которыми они принимают решения для их блага²⁷. Это показывает большое уважение, которое писатель испытывает к ним. Поэтому, он не подвергает сомнению их поступки:

думаю только, по неограниченной любви моей к родителям моим, что всякое их о мне предположение должно было быть и лучшим, и правильнейшим. Все, что им угодно было на мой счет придумать и основать, привык я почитать для себя совершенным (Dolgorukov, 2004, p. 38).

Хотя он не забывает вспоминать о своих шалостях, И. М. Долгоруков представляет себя послушным сыном, который продолжает следовать советам родителей даже во взрослом возрасте. Единственная его критика заключается в том, что они плохо распоряжаются семейными финансами, так как они оставляют не богатое наследство, а много долгов. Но писатель заявляет:

Я никогда не дорожил богатством. Верьте мне, милые мои дети, что оно одно составить счастья нашего не может. Мне никогда не приходило на мысль посетовать о том, что родители мои не приготовили мне широкого наследства. Воспитание, которое они мне дали, советы моего отца, нежность моей матери, общие их сердобольные поступки со мной от самой юности моей суть такие сокровища, кои я ставлю выше всякого богатства в свете, и благодарность моя переживет их и самого меня (Dolgorukov, 2004, pp. 204-205).

В сентиментальном формировании И. М. Долгорукова важна фигура отца, к которому автор особенно привязан: “Он столько дорог сердцу моему, что с радостями и печальми его всегда тесно связаны и мои” (Dolgorukov, 2004, p. 15). Писатель рисует похвальный портрет родителя, который во многом похож на него. Отец – добрый человек, который любит и делает все для своей семьи и терпеливо переносит все несправедливости.

(см. Agies, 1962) стимулировала появление многих исследований, касающихся представления об инфантильной вселенной и направленных на подтверждение или опровержение тезиса французского историка.

25 Самым известным трудом по педагогике Ж. Ж. Руссо является “Эмил, или О воспитании”, в котором ставится проблема воспитания ребенка. Роман-трактат запрещен в Российской империи Екатериной II, но идеи знаменитого женевого философа все же успеют распространиться в России XVIII века.

26 У И. М. Долгорукова было две сестры.

27 Например, в XVIII веке открытие вакцины против оспы является предметом многочисленных дискуссий, поэтому решение родителей вакцинировать своих детей представлено автором как мужественное.

В глазах сына он строгий, но справедливый родитель и благодаря его постоянному вниманию к нему писатель не становится преступником: “вечная благодарность родителю моему [...]: без [его] строгого надзора я мог сделаться самым развратным человеком” (Dolgorukov, 2004, p. 42).

В “Повести” писатель обращает внимание на то, как со временем меняется их отношение. Если в детстве доминирующими чувствами являются страх и уважение к отцу, то, когда он вырастет и закончит университет, родитель ведет себя с ним по-другому:

Батюшка перестал обращаться ко мне с одними угрозами и управлять мною орудиями страха. Он допускал уже меня до рассудительной беседы с собою, давал мне наставления, внушал мне истины духовные и нравственные и, когда был недоволен мною, стыдил и укорял с чадолюбием, без вспльчивости гневной (Dolgorukov, 2004, p. 50).

Автор подчеркивает, как отец “направлял путь моего сердца и разума, и для меня проведение времени с ним обратилось в наилучшую школу” (Dolgorukov, 2004, p. 84). А когда И. М. Долгоруков начинает свою службу в Санкт-Петербурге, отец внимательно следит за каждым шагом своего сына. Заботу отца сын очень ценит, хотя и признается, что в молодости: “[я] видал только батюшку, которого беседа была мне очень полезна, но нимало не весела, что весьма натурально. Человек в 18 лет редко понимает мужа в 50, редко имеет в мыслях и чувствах что-нибудь с ним общее” (Dolgorukov, 2004, p. 73). И. М. Долгоруков глубоко восхищается своим отцом. Это не значит, что он всегда следует его советам, но “Я столь любил моего отца, что одна строка, изъявляющая его неудовольствие, более меня трогала, чем выговоры ста владык земных” (Dolgorukov, 2004, p. 58). С гордостью автор утверждает, что никогда не лжет родителю, но временами затягивает рассказ о некоторых эпизодах, чтобы не волновать его. Отец – незаменимый советник для преданного сына. Писатель никогда не перестает обращаться к отцу, чтобы сделать важный выбор в своей жизни и карьере. По отношению к последней, И. М. Долгоруков рассказывает, как родитель с умилением смотрит на его рвение к службе:

Опытный мой старик слушал и улыбался, он радовался моим патриотизмом, но, зная, что он никогда успеха не имеет, смеялся моим словам, моему пылкому воображению как затеям юноши, который в мечтах розового цвета всю жизнь свою провождает (Dolgorukov, 2004, p. 316).

Неудивительно, что автор с тревогой наблюдает за ухудшением здоровья родителя. Известие о его смерти настолько потрясает его, что даже спустя много лет ему трудно говорить об этом:

Я не в силах остановиться на сей минуте и ничего описывать тогдашнего, воображать ее ужасно, чувствовать тяжело, а изъяснить, что со мной делалось, никакое перо бы не умело; оно в руках каждого тупится, когда чувства в сильном волнении. Итак, пробегу я сии злосчастные часы жизни моей. Но увы! Куда я

обернуться, чтобы найти прохладу, чтобы успокоить мятежное сердце? (Dolgoukov, 2004, p. 360).

В панегирическом описании своего отца И. М. Долгоруков не упускает некоторых недостатков родителя. Например, у него любовница, но сын “оправдывает” это неназидательное поведение, подчеркивая любовь отца к этой женщине.

По сравнению с отцом, фигура матери менее доминирует в автобиографии, но приобретает значимость после смерти мужа²⁸. В отличие от более сурового отца, автор вспоминает, как мать нежнее с упреками: “Матушка жаловала меня с нежностью, но без поблажек” (Dolgoukov, 2004, p. 50). Мать никогда не остается равнодушной к судьбе сына, разделяя его радости и страдания. И. М. Долгоруков подчеркивает и свою сыновнюю любовь к ней. Например, во время наполеоновской кампании 1812 года он описывает свои волнения из-за того, что ему придется оставить мать в подмосковной деревне, оккупированной французами. Автор объясняет, что он принимает это болезненное решение, потому что мать, старая и больная, не в состоянии столкнуться с опасным побегом. Слабое здоровье родительницы является для него постоянным источником беспокойства. Вопреки этому, он не готов принять известие о ее смерти:

Весть эта меня поразила! Сколь ни естественно было мне в мои лета хоронить родительницу, для сердца, приобывшего всяким нежным чувством дорожить наравне с самой жизнью, потеря отца и матери есть потеря прискорбная, и столетние старцы бывают оплакиваемы своим порождением (Dolgoukov, 2005, p. 313).

Кроме привязанности к родителям, одним из важнейших чувств в жизни И. М. Долгорукова является любовь, которая может возникнуть и в семейном контексте. На самом деле, И. М. Долгоруков переживает свой первый сентиментальный опыт именно дома. Влюбленный в свою кузину, писатель рассказывает об интригах для встречи с возлюбленной и о страстном обмене письмами с ней. Этот эпизод позволяет ему и предупредить своих читателей об опасностях любви, особенно когда главные герои – молодые родственники:

Ничего нет опаснее, как излишняя доверенность к союзам родства. Нравы уже портятся, и система предков наших уже во многом не годится. Свидании, слишком свободные, между родственниками становятся опасны. Любовь везде свой путь проложит, и я скорее допущу моих детей свести знакомство короткое с чужими, нежели с родней (Dolgoukov, 2004, p. 79).

Во всяком случае, это всего лишь юношеское увлечение, но это не значит, что автор не страдает, как ребенок, сломавший свою игрушку: “Дитя плачет, разбив нечаянно свою игрушку, любовник, лишившийся своей химеры, плачет не менее ребенка” (Dolgoukov, 2004, p. 90). В юности он глубоко переживает любовные страдания, настолько, что, как “новый Вертера”,

²⁸ В Российской империи XVIII века после смерти мужа главой семьи становится жена.

он пытается покончить жизнь самоубийством. В этом случае чудовищное кровопускание освобождает его от любовной страсти, но при жизни (даже в браке) писатель нередко оказывается жертвой любви. Интересно, что эти влюбленности часто происходят в театре, привилегированном месте для выражения эмоций²⁹. Неслучайно он встречает свою первую жену Евгению, молодую и бедную воспитанницу Смольного института³⁰, во время театральных репетиций. Автор подчеркивает бедность своей будущей жены, потому что с самого начала это является самым большим препятствием для их брака: “все почти называли меня сумасшедшим, говоря обыкновенно, как водится: чем вы будете жить? Я не умел бедность почитать препятствием, все возражения казались мне неосновательными” (Dolgorukov, 2004, p. 130). И. М. Долгоруков твердо защищает свой выбор жениться по любви³¹ и, с его точки зрения, бедность возлюбленной даже желательна. По его мнению, муж не должен быть экономически зависим от жены, которая таким образом имела бы над ним полную власть. Кроме того, в его глазах другие возможные невесты не могут сравниться с Евгенией. Они слишком богаты, не умны или влюблены в других. В “Повести” автор рассказывает о встречах с будущей женой, о волнении, с которым он ожидает отцовского одобрения своего брака, и об эйфории, которую он испытывает от согласия родителей на свадьбу³². Неудивительно он определяет этот период как самый счастливый в своей жизни. Еще одним свидетельством эмоциональной вовлеченности автора в свой брак является подробное описание деталей свадебной церемонии³³. Чувства, которые преобладают в эти праздничные дни, радость и восторг, но вскоре автор понимает, что супружеская жизнь совсем другая:

Быть любовником и супругом суть две вещи разные. Любовник ни о чем не заботится, не хлопочет: оделся, сел в карету, поскакал к любезной и целует у нее руки поминутно. Сегодня, завтра и всякий день то же. Он в вечном очаровании.

29 А. Зорин подчеркивает воспитательную роль театра в сфере эмоций (Zorin, 2016).

30 В 1764 г., по инициативе Екатерины II и И. И. Бецкого, создан Смольный институт с целью дать образование “благородным девицам” и обучать “будущих матерей” Российской империи. Об этом см. (Belova, 2015, pp. 192-248), (Pushkareva, 2012, pp. 86-100) и (Lotman, 1994, pp. 75-88).

31 Напротив, А. Т. Болотов (1738-1833), другой автор объемистой автобиографии, предпочитает пожертвовать своими чувствами и не жениться на женщине, которую глубоко любит, потому что она бедна и не соответствует его социальному статусу. Однако, писатель указывает на эмоциональную боль, которую причиняет ему это решение: “делая себе превеличайшее насилие и со слезами почти на глазах выгоняя из головы лестные и приятные воспоминания” (cited in Pushkareva, 2012, p. 33). Как видно на примере А. Т. Болотова и рассказа И. М. Долгорукова, любовь не была одной из главных причин брака того времени. Хотя уже при Петре Первом введена обязательность согласия жениха и невесты на их свадьбу, браки по интересам продолжают быть широко распространены в XVIII и XIX веках.

32 Поскольку Евгения принадлежит к кругу малого двора, отец И. М. Долгорукова соглашается на брак с надеждой, что будущий император Павел I будет благосклонен к его сыну: “он мечтал, что великий князь, отдавая за меня свою питомицу, конечно, во время свое устроит и наше состояние, не только устроит – обогатит и возведет наш род в древнее его сияние” (Dolgorukov, 2004, p. 141).

33 Тема женитьбы редко затрагивается в мужской автобиографической прозе (Pushkareva, 2012, p. 37).

Женщина также, с своей стороны, употребя все искусство возможное в своем убранстве, ждет милого под окошком, бросается к нему навстречу, обнимает его, и по целым суткам сидя друг против дружки, не видят, как часы летят. Прекрасная картина! Но муж и жена уже не волочутся между собой. Они начинают круг нового общежития, являются обязанности взаимные; два нрава, сошедшиеся жить вместе с разными сторонами и не всегда будучи одинаковы (чего и быть не может в природе от беспрестанного трения разных свычек, разных свойств, разных мыслей), скоро требуют взаимного снисхождения (Dolgorukov, 2004, pp. 162-163).

А Евгения представлена типичной сентиментальной героиней. Она не исключительно красива, но одушевлена великодушными чувствами. Как и И. М. Долгоруков, она преданная дочь, которая оплакивает смерть своих близких, даже если она едва их знала³⁴. Евгения также является отличной матерью. В годы, когда идет дискуссия о “естественной” и “педагогической” матери (Kelly, 2001, XXVIII), Евгения показана как образцовая мать, любящая всех своих детей. Не будучи слишком строгой, она не балует сыновей и дочерей и ревностно заботится об их воспитании. Даже в последние дни своей болезни она не перестает беспокоиться об их будущем, обращаясь к супруге императора³⁵. Но для И. М. Долгорукова она прежде всего пример идеальная жена. В сущности, из всех людей, принадлежащих к семье автора, она наиболее идеализирована. Самый символический эпизод их истории любви – это когда Евгения, переодетая мужчиной, присоединяется к мужу на фронте во время русско-шведской войны и оставляет ему записку с надписью “*S'il faut mourir, mourons ensemble*” (Dolgorukov, 2004, p. 226). В ней И. М. Долгоруков видит и друга, и спутницу жизни, с которой можно разделить радости и горести жизни. Особое внимание И. М. Долгорукова к чувствам к жене диктуется также стремлением писателя представить себя “хорошим мужем”. В “Повести” он защищается от обвинений в недостаточной заботе и уважении своей жены, так как, по мнению своих врагов, он заставляет ее жить в нищете (“Знаю, что многие, прочтя эту страницу, станут пожимать плечами и, укоряя меня, говорить: “Вот такового брать жену без состояния и подвергаться вместе с нею бедности”, Dolgorukov, 2004, p. 205), развлекается во время ее болезни (“Как! Мать моя умирала, а отец, отец мог играть комедию!”, Долгоруков, 2004, p. 480) и влюбляется в других женщин. На такие критики И. М. Долгоруков отвечает, подчеркивая их взаимную любовь. Он

34 По этому поводу, И. М. Долгоруков противоречит сам себе. При первой встрече с матери жены автор констатирует: “Жена моя матери своей почти не знала, я ее видел в первый раз, и, следовательно, все наши отношения к ней основаны были не на чувствах сердечных, а на приличии нравственном” (Dolgorukov, 2004, p. 164). Противоречия являются особенностью “Повести”. Они свидетельствуют об изменении взглядов писателя и в то же время о невозможности редактирования объемистой рукописи при жизни.

35 С пренебрежением и гневом И. М. Долгоруков комментирует холодность, с которой императрица дает его умирающей жене только карамель в ответ на ее просьбы: “Вот какое следствие имела сия трогательная картина! Карамель сделался наградой царской семейству, составленному из десяти человек. О! Я никогда этого карамеля не забуду” (Dolgorukov, 2004, p. 557).

утверждает, что его измены – это лишь платонические любви и, во всяком случае, автор передает слова своей жены: “Лучше, говорю я, подражая самой жене моей, которая часто говаривала мне, когда я ей клялся, что любил ее более всех, и в этом почести никогда ей не лгал: “Vous m’aimez mieux que toute autre” (Dolgorukov, 2004, p. 535). А страх и отчаяние овладевают писателю во время продолжительной болезни жены. Фактически, ее смерть является для него настоящей трагедией. Поэтому удивительно, что он женится во второй раз, но автор объясняет своего поведение³⁶:

О нет! Никогда Евгении не забуду, никогда не сравню с нею никого. Никто выше ее не станет в моем сердце. Но я человек! Я плоть ношу, я сосуд общих слабостей. Дети! Я для вас пишу и обязан вам исповедать мою душу. [...] Одиночество было мне не сродно. Я привык к товариществу, тесный союз супружества мне необходим. [...] Любовница не искренний товарищ, ее и мое не суть одно и то же, нет тесного соединения. [...] Я пылал, разжигался и на первой встрече готов был жениться. Два года с лишком вдовства становились мне по натуре несносны, я не был еще так стар, чтоб отказать себе женщину. [...] Тогда новые узы свички, воспламеняя резвое мое сердце, могли бы меня решить взять за себя и самую недостойную имени моего женщину [...]. Этого я страшился и убегал всеми силами, а потому, избрав в жены женщину благородную, летами не слишком молодую, мать троих детей, опытную в хозяйстве, рассудительную и любезную, и ею сам Бог ниспослал мне надежнейшее средство препроводить остальные дни жизни в тишине домашнего сообщества и облегчить бремена старости (Dolgorukov, 2004, pp. 707-708).

Как видно из конца этой длинной цитаты, И. М. Долгоруков хвалит качества своей второй жены, которую критикует только за слишком снисходительное отношение к детям. Хотя эта любовь не сравнима с любовью к Евгении, автор искренне любит свою новую супругу, в которой всегда находит душевное и эмоциональное утешение³⁷.

36 Вероятно, писатель также хочет защитить себя от критики общественного мнения, неблагоприятно относящегося к повторным бракам. Как отмечает Н. Л. Пушкирева, эти свадьбы считаются слабостью человека, не хранящего верность памяти о супруге. Но И. М. Долгоруков не единственный, кому приходится объяснять свое решение. И Г. Р. Державина (1743-1816) считает себя обязанным обосновать свой выбор вступить во второй брак: “глубоко верующий и искренне любивший свою первую жену Г. Р. Державин, женившийся повторно через полгода после смерти своей “Плениры”, счел должным объяснить свой поступок – по словам М. А. Дмитриева – следующим: “...не могли быть спокойным о домашних недостатках и по службе неприятностях, чтоб от скуки не уклониться в какой разврат”” (Pushkareva, 2012, p. 30).

37 По поводу супружества можно и добавить, что для И. М. Долгорукова оно не должно основываться на экономических причинах, а должно быть духовным союзом двух супругов: “Я при женитьбе моей и в первый, и во второй раз не помышлял о богатстве и имел правилом искать одной души, а не многих. Я думал, и думать буду, что брак, соединяя двух человек, обращает их святостью своего союза в одно тело и одного человека, но это не касается до собственности. [...] Женятся люди, а не вотчины” (Dolgorukov, 2004, pp. 715-716). Писатель, особенно в случае своего второго брака, подчеркивает, что в нем не преобладают сильные страсти, но он основан на непрерывном искреннем и сердечном диалоге между мужем и женой.

Эмоции и чувства также доминируют в отношениях писателя с детьми. В частности, И. М. Долгоруков пишет: “Окружен будучи детьми своими, первые мои попечения обращались к ним. Каждого из них я любил нежно и горячо” (Dolgorukov, 2004, p. 680). Действительно, нетипично для мужского автобиографического текста того времени (Belova, 2015, p. 348), рождение детей много раз описано в “Повести”. Особенно в случае первенца, И. М. Долгоруков подробно рассказывает о трепете, с которым ожидает рождения ребенка. Более того, он не может выразить чувства, которые вызывает у него первое отцовство: “21 ноября, в воскресный день, жена моя родила сына и я сделался отцом. Новые чувства возродились в душе моей. Как изъяснить восторги мои в той мере, в какой они обладали мною в ту вожделенную минуту!” (Dolgorukov, 2004, p. 173). Но в описании рождений последующих детей он менее подробен и восторжен³⁸. Это не значит, что он не встречает с радостью каждого нового младенца и не оплакивает преждевременную смерть некоторых из своих детей с глубокой скорбью.

И. М. Долгоруков гордится каждым успехом своего многочисленного потомства³⁹, но гораздо чаще сыновья и дочери вызывают беспокойство, особенно когда происходят исключительные события. Например, во время Отечественной войны 1812 года он боится, что его сыновья будут зачислены в армию⁴⁰. На самом деле, он подготовил своих детей к административной карьере, а не к войне, которую он отвергает (“По логике моей давно расположил, /Что так ли, или сяк, да плохо, как убил”, Dolgorukov, 2005, p. 267). Тем не менее, и в более спокойные времена нет недостатка в заботах. Болезни, образование и карьера детей постоянно занимают родителя.

Что касается болезней, детская смертность широко распространена в Российской империи XVIII века. Как сказано выше, некоторые из детей И. М. Долгорукова умирают в юном возрасте⁴¹. Среди этих трагедий

38 Следует отметить, что, в отличие от жены, которая стоически переносит даже самые тяжелые роды, при рождении детей И. М. Долгоруков характеризует себя как жертву эмоций: “Будучи терпеливого свойства по природе и крайне великого духа, она до самых последних минут обходиться любила без бабки, но когда сия, освидетельствовав, нашла невозможность родить без помощи акушерской, и послано было за ним, то я от сего известия потерял весь рассудок, и робость превозмогла все прочие чувства. Жена, напротив, с мужеством к тому приготавлилась [...]. Известие о родинах жены моей произвело во мне сильную радость, ее описать нельзя ничем, восхищению сего рода так непосредственно овладеют сердцем, что с разумом долго не соберешься, дабы самому себе изъяснить свое состояние, не только уметь с другим разделить свои чувства. Первая минута свидания моего с женой после наших страхов, кои при всей скромности свойств ее, конечно, и ее тревожили, эта первая минута ни из какого пера не вытечет на бумагу. О! Как трудно пролить на ней пламенные чувства сердца, в сильные движения от любви приведенного! Я обнимал бабушку, Бергмана, жену, мать, детей и всех. Все, даже служители наши” (Dolgorukov, 2004, p. 469).

39 У И. М. Долгорукова было десять детей.

40 Родители И. М. Долгорукова испытывали подобный страх за сына, когда он участвовал в военной кампании против Швеции. В автобиографии автор копирует трогательное письмо, написанное ему отцом и матерью при его уходе на фронт.

41 Вероятно, под влиянием сентиментализма, И. М. Долгоруков часто акцентирует внимание и на своих трогательных посещениях могил детей и близких.

выделяются смерти его дочери Марии и дочери его второй жены Алены. В “Повести” две девушки напоминают сентиментальных героинь⁴², которые, несмотря на молодость, обречены на преждевременную печальную судьбу. Они справляются со своей болезнью⁴³, не огорчая близких собственными страданиями. А автор с опустошением и сожалением может только констатировать свою беспомощность и неспособность их спасти. Особенно потеря Марии для него тяжелый удар, потому что “Я в ней начинал находить друга, товарища, отраду в горестных минутах. Тяжелое время вдовства моего [...] она выносила с терпением и кротостью ангельскою” (Dolgorukov, 2005, p. 93).

Образование является еще одним вопросом первостепенной важности для писателя, который думает, что оно должно касаться не только ума, но и сердца человека. Отсюда, частые призывы И. М. Долгорукова к воспитанию добрых чувств. Эта задача не всегда проста для родителя, которому приходится усмирять сильные страсти юности. Не случайно писатель восклицает:

О! Никогда я этой эпохи не забуду. Скажу откровенно, и этот опыт научил меня признать сию истину, что нет ничего труднее, как сохранять спокойство в таком семействе, как наше, в котором столь много разнородных лиц совокуплено под одну крышку, и все они достигли возраста страстей. Великая наука! Крепкое искушение управлять таким сборищем! (Dolgorukov, 2005, p. 425).

И. М. Долгоруков и подчеркивает, как он не хочет быть “отцом-тираном”, потому что он осознает разные эмоции, воодушевляющие юношу и старика:

Какие убеждения помогут в юношеские лета! Что преклонит мальчика в двадцать лет согласиться с отцом, которому за пятьдесят? У них и чувства, и логика уже не одинаковы. [...] Я не хотел быть тираном в своем семействе и считал, что двадцать лет есть такой возраст для детей, в котором долг родителей советовать, убеждать, рассуждать, а не приказывать, кроме случаев отменно чрезвычайных и которые под общие правила подходить не могут (Dolgorukov, 2005, p. 421).

С его точки зрения, самое главное – взаимное доверие между отцом и сыном.

Наконец, как хороший отец, И. М. Долгоруков не пренебрегает карьерой своих детей. В связи с этим, его сын Павел, “этот достойный сын” (Dolgorukov, 2005, p. 340), достоин его похвалы, так как он его уважает и просит отцовского одобрения для каждого важного решения о службе. Если первенец показан как замечательный пример послушного сына, непрерывным источником беспокойства является его сын Александр⁴⁴.

42 Во время сентиментализма нередко говорят о болезнях, которые часто характеризуют главных героев литературных произведений. Эта деталь помогает вызвать эмоциональное участие читателя.

43 Две дочери больны туберкулезом.

44 Двое сыновей второй жены создают ему не меньше проблем. Один женится против воли матери, а второй пытается устроить тайную свадьбу.

Этот “пылкий юноша” (Dolgorukov, 2005, p. 185) своей ложью и плохим поведением армии озлобляет родителя, который стремится обеспечить ему многообещающее будущее. И все же И. М. Долгоруков не в чем себя упрекнуть как отец и с грустью пишет:

я к утешению себя находил только то, что не был тому виною ни послаблением моим, ни небрежностью. Ничего не было упущено мною к воспитанию его и изучению. Но что поможет глупому сыну? Совесть моя была спокойна, без упрека. Но менее ли чувства мои болели? Легче ли мне было? Увы! Хотя сын мой был остер, но тем еще способнее баловаться, и я лучше бы желал видеть в нем добронравную простоту и здравый смысл его брата, чем тот огонь и порыв страстей, с какими Александр пренебрегал все полезное и вдавался в разврат своего века. [...] Когда я задумывался о службе его, не мог без слез представить, с какой прекрасной дороги он сбился. [...] Какие блистательные надежды мог оправдать! (Dolgorukov, 2005, p. 338).

Несмотря на это, в трудную минуту родитель никогда не откажется помочь сыну: “Я забывал долги, состояние свое и прочих детей, а думал только о погибающем сыне” (Dolgorukov, 2005, p. 336).

Несомненно, в “Повести” очевидно глубокая любовь автора к своим детям и его образ любящего родителя, готового на все, чтобы помочь им. Как он сам утверждает: “для детей чего не сделаешь?” (Dolgorukov, 2005, p. 44).

В заключение, в конце “Повести” мы читаем эти слова автора, которые идентифицирует семью как “эмоциональное сообщество”, в котором можно найти убежище и искать счастья: “Подобные заблуждения ума исправляются одною сильною рукою всеблаготого промысла, и она, скоро смилив меня, научила искать счастья остальных дней жизни моей [...] в тишине домашней жизни” (Dolgorukov, 2005, p. 479). Эта цитата подтверждает, что эмоции и семья являются двумя элементами, часто связанными друг с другом, важными в автобиографическом нарративе И. М. Долгорукова. Как показывает этот анализ, они играют фундаментальную роль в формировании личности писателя⁴⁵. Новая культурная парадигма сентиментализма с вниманием к “внутренней жизни” человека побуждает таких авторов, как И. М. Долгоруков, обращать все больше внимание на собственные эмоции. Кроме того, в “Повести” эмоциональный мир семьи становится драгоценной темой для автора, который хочет не только развлечь своего читателя, но и быть ему полезным. С описанием эмоций своего семейного круга И. М. Долгоруков представляет своим потомкам похвальные “эмоциональные” примеры. В дополнение к этому виду “сентиментального воспитания”, семья и эмоции являются для автора и способом построить свой собственный “миф о себе”. В частности, он представляет себя преданным сыном, заботливым отцом и любящим мужем.

45 Авторский подход к семье и связанной с ней эмоциональной сфере являются отличительной чертой “Повести”. Было бы интересно уделить больше внимания роли этих двух тем в других автобиографических текстах современных авторов, как, например, в эго-документах упомянутых Г. Р. Державина и А. Т. Болотова.

References

Aries, Ph. (1962). *Century of Childhood. A Social History of Family Life*. New York: Alfred A. Knopf.

Belova, A. V. (2015). *Chetyre vozrasta zhenshchiny. Povsednevnyaya zhizn' provincial'noy dvorjanki XVIII – serediny XIX vv.* Moskva: Aleteja. [Белова, А. В. Четыре возраста женщины. Повседневная жизнь провинциальной дворянки XVIII – середины XIX вв. Москва: Алетея, 2015.]

Broomhall, S. (2017). *Early Modern Emotions. An Introduction*. London, New York: Routledge.

Dolgorukaya, N. B. (1913). *Svoeruchnye zapiski knyagini Natal'i Borisovny Dolgorukoy docheri g. fel'dmarshala grafa Borisa Petrovicha Sheremeteva*. Sankt-Peterburg: Tip. Sirius. [Долгорукая, Н. Б. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. Санкт-Петербург: Тип. Сириус, 1913.]

Dolgorukov, I. M. (1997). *Kapishche moego serdtsa, ili Slovar' vseh teh lits, s koimi ya byl v raznyh otnosheniyah v techenie moyey zhizni*. Moskva: Nauka. [Долгоруков, И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с которыми я был в разных отношениях в течение моей жизни. Москва: Наука, 1997.]

Dolgorukov, I. M. (2004–2005). *Povest' o rozhdenii moyom, proishozhdenii i vsej zhizni. V 2-h tt.* Sankt-Peterburg: Nauka. [Долгоруков, И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. В 2-х тт. Санкт-Петербург: Наука, 2004-2005.]

Dolgorukov, I. M. (1870a). *Slavny bubny za gorami ili Puteshestvie moyo кое-куда 1810 goda*. Moskva: Universitetskaya tipografiya (Katkov i K). [Долгоруков, И. М. Славны бубны за горами или Путешествие мое кое-куда 1810 года. Москва: Университетская типография (Катков и К), 1870.]

Dolgorukov, I. M. (1870b). *Zhurnal puteshestviya iz Moskvy v Nizhniy 1813 goda*. Moskva, Universitetskaya tipografiya (Katkov i K). [Долгоруков, И. М. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года. Москва: Университетская типография (Катков и К), 1870.]

Dolgorukov, I. M. (1870c). *Puteshestvie v Kiev v 1817 godu*. Moskva: Universitetskaya tipografiya (Katkov i K). [Долгоруков, И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. Москва: Университетская типография (Катков и К), 1870.]

Geertz, K. (2004). *Interpretatsiya kul'tur*. Moskva: ROSSPEN. [Гирц, К. Интерпретация культур. Москва: РОССПЭН, 2004.]

Kelly, K. (2010). Pravo na emotsii, pravil'nye emotsii: upravlenie chuvstvami v Rossii posle epoha Prosveshchenya. In Plamper, J. Shahadat, Sh., Eli, M. (Eds.). *Rossiyskaya imperiya chuvstv: Podhody k kul'turnoy istorii emotsiy. Sb. Statey*. Moskva: Novoe Literaturnoe Obzrenie, 51-77. [Келли, К. Право на эмоции, правильные эмоции: управление чувствами в России после эпоха Просвещения. В Плампер, Я., Шахадат, Ш., Эли, М. (Ред.). Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. Статей. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2010, 51-77.]

Kelly, K. (2001). *Refining Russia. Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin*. Oxford: Oxford University Press.

Kochetkova, N. D. (1994). *Literatura russkogo sentimentalizma (Esteticheskie i hudozhestvennyye iskaniya)*. Sankt-Peterburg: Nauka. [Кочеткова, Н. Д. Литература русского романтизма (Эстетические и художественные искания). Санкт-Петербург: Наука, 1994.]

Kuznetsova, N. V. (2004). *Tekstologicheskie principy izdaniya*. In: I. M. Dolgorukov. *Povest' o rozhdenii moyom, proishozhdenii i vsej zhizni. V 2-h tt.* Sankt-Peterburg: Nauka, 721-738. [Кузнецова, Н. В. Текстологические принципы издания. В: И. М. Долгоруков. *Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. В 2-х тт.* Санкт-Петербург: Наука, 2004, 721-738.]

Lejeune, Ph. (1975). *Le pacte autobiographique*. Paris: Édition du Seuil.

Lotman, Yu. M. (1994). *Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPB. [Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1994.]

Pascal, R. (2017). *Design and Truth in Autobiography*. London: Routledge.

Plamper, J. (2015). *The History of Emotions. An Introduction*. Oxford: Oxford University Press.

Plamper, J. Shahadat, Sh., Eli, M. (2010). *Rossiyskaya imperiya chuvstv: Podhody k kul'turnoy istorii emotsiy. Sb. Statey*. Moskva: Novoe Literaturnoe Obozrenie. [Плампер, Я., Шахадат, Ш., Эли, М. Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. Статей. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2010.]

Plamper, J. (2010). *Emotsii v russkoy istorii*. In Plamper, J. Shahadat, Sh., Eli, M. (Eds.). *Rossiyskaya imperiya chuvstv: Podhody k kul'turnoy istorii emotsiy. Sb. Statey*. Moskva: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 11-36. [Плампер, Я., Эмоции в русской истории. В Плампер, Я., Шахадат, Ш., Эли, М. (Ред.). Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. Статей. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2010, 11-36.]

Pushkareva, N. L. (2012). *Chastnaya zhizn' russkoy zhenshchiny XVIII veka*. Moskva: Izdatel'stvo Lomonosov. [Пушкарева, Н. Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. Москва: Издательство "Ломоносовъ", 2012.]

Reddy, W. M. (2004). *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press.

Rosenwein, B. H. (2006). *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca, London: Cornell University Press.

Rosenwein, B. H., Cristiani, R. (2018). *What Is the History of Emotions?* Cambridge: Polity Press.

Ryazanov, A. (2001). *Dvoryanskaya sem'ya na rubezhe XVIII–XIX vekov. Materialy po istorii vologodskogo dvoryanstva*, https://www.booksite.ru/usadba_new/world/16_2_06.htm

[Рязанов, А. Дворянская семья на рубеже XVIII–XIX веков. Материалы по истории вологодского дворянства, 2001, https://www.booksite.ru/usadba_new/world/16_2_ob.htm]

Savkina, I. (2007). *Razgovory s zerkalom i zazerkal'em. Avtodokumental'nye zhenskie teksty v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka*. Moskva: Novoe Literaturnoe Obzrenie. [Савкина И. Разговоры с зеркалом и зазеркальем. Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Москва: Новое литературное обозрение, 2007.]

Stearns, P. N., Stearns C. Z. (1985). Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards. *The American Historical Review*, Vol. 90, No. 4, 813–836.

Tartakovskiy, A. G. (1991). *Russkaya memuaristika XVIII – pervoy poloviny XIX veka. Ot rukopisi k knige*. Moskva: Nauka. [Тартаковский, А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX века. От рукописи к книге. Москва: Наука, 1991.]

Vacheva, A. (2015). *Potomstvu Ekaterina II. Idei i narrativnye strategii v avtobiografii imperatritsy*. Sofiya: UI „Sv. Kliment Ohridski”. [Вачева, А. Потомству Екатерина II. Идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы. София: УИ „Св. Климент Охридски”, 2015.]

Zorin, A. (2016). *Poyavlenie geroya. Iz istorii russkoy emotsional'noy kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka*. Moskva: Novoe Literaturnoe Obzrenie, ebook. [Зорин, А. Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. Москва: Новое литературное обозрение, 2016, е-книга.]